

Антон Чехов

Жилец

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ
Жилец

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176219

Антон Павлович Чехов

Жилец

Брыкович, когда-то занимавшийся адвокатурой, а ныне живущий без дела у своей богатой супруги, содержательницы меблированных комнат «Тунис», человек молодой, но уже плешивый, как-то в полночь выбежал из своей квартиры в коридор и изо всей силы хлопнул дверью.

– О, злая, глупая, тупая тварь! – бормотал он, сжимая кулаки. – Связал же меня чёрт с тобой! Уф! Чтобы перекричать эту ведьму, надо быть пушкой!

Брыкович задыхался от негодования и злобы, и если бы теперь на пути, пока он ходил по длинным коридорам «Туниса», попалась ему какая-нибудь посудина или сонный коридорный, то он с наслаждением дал бы волю рукам, чтобы хоть на чем-нибудь сорвать свой гнев. Ему хотелось браниться, кричать, топтать ногами... И судьба, точно понимая его настроение и желая подслужиться, послала ему навстречу неисправного плательщика, музыканта Халявкина, жильца 31-го номера. Халявкин стоял перед своей дверью и, сильно покачиваясь, тыкал ключом в замочную скважину. Он кряхтел, посылал кого-то ко всем чертям; но ключ не слушался и всякий раз попадал не туда, куда нужно. Одной рукой он судорожно тыкал, в другой держал футляр со скрипкой. Брыкович налетел на него, как ястреб, и крикнул сердито:

– А, это вы? Послушайте, милостивый государь, когда же, наконец, вы уплатите за квартиру? Уж две недели, как вы не изволите платить, милостивый государь! Я велю не топить! Я вас выселю, милостивый государь, чёрт побери!

– Вы мне ме... мешаете... – ответил спокойно музыкант. – Аре... ревуар!

– Стыдитесь, господин Халявкин! – продолжал Брыкович. – Вы получаете сто двадцать рублей в месяц и могли бы исправно платить! Это недобросовестно, милостивый государь! Это подло в высшей степени!

Ключ, наконец, щелкнул, и дверь отворилась.

– Да-с, это нечестно! – продолжал Брыкович, входя за музыкантом в номер. – Предупреждаю вас, что если завтра вы не уплатите, то я завтра же подам мировому. Я вам покажу! Да не извольте бросать зажженные спички на пол, а то вы у меня тут пожару наделаете! Я не потерплю, чтобы у меня в номерах жили люди нетрезвого поведения.

Халявкин поглядел пьяными, веселыми глазками на Брыковича и ухмыльнулся.

– Решительно не понимаю, чего вы кипятитесь... – пробормотал он, закуривая папиросу и обжигая себе пальцы. – Не понимаю! Положим, я не плачу за квартиру; да, я не плачу, но вы-то тут при чем, скажите на милость? Какое вам дело? Вы тоже ничего не платите за квартиру, но ведь я же не пристаю к вам. Не платите, ну и бог с вами, – не нужно!

– То есть как же это так?

– Так... Хо... хозяин тут не вы, а ваша высокопочтеннейшая супруга... Вы тут... вы тут такой же жилец с тромбонном, как и прочие... Не ваши номера, стало быть, какая надобность вам беспокоиться? Берите с меня пример: ведь я не беспокоюсь? Вы за квартиру ни копейки не платите – и что же? Не платите – и не нужно. Я нисколько не беспокоюсь.

– Я вас не понимаю, милостивый государь! – пробормотал Брыкович и стал в позу человека оскорбленного, готового каждую минуту вступить за свою честь.

– Впрочем, виноват! Я и забыл, что номера вы взяли в приданое... Виноват! Хотя, Впрочем, если взглянуть с нравственной точки, – продолжал Халявкин, покачиваясь, – то вы все-таки не должны кипятиться... Ведь они достались вам да... даром, за понюшку табаку... Они, ежели взглянуть широко, столько же ваши, сколько и мои... За что вы их при... присвоили? За то, что состоите супругом?.. Эка важность! Быть супругом вовсе не трудно. Батюшка мой, приведите ко мне сюда двенадцать дюжин жен, и я у всех буду мужем – бесплатно! Сделайте ваше такое одолжение!

Пьяная болтовня музыканта, по-видимому, кольнула Брыковича в самое больное место. Он покраснел и долго не знал, что ответить, потом подскочил к Халявкину и, со злобой глядя на него, изо всей силы стукнул кулаком по столу.

– Как вы смеете мне говорить это? – прошипел он. – Как вы смеете?

– Позвольте... – забормотал Халявкин, пятясь назад. –

Это уж выходит fortissimo. Не понимаю, чего вы обижаетесь! Я... я ведь это говорю не в обиду, а... в похвалу вам. Попадись мне дама с такими номерищами, так я с руками и ногами... сделайте такое одолжение!

– Но... но как вы смеете меня оскорблять? – крикнул Брыкович и опять стукнул кулаком по столу.

– Не понимаю! – пожал плечами Халявкин, уже не улыбаясь. – Впрочем, я пьян... может быть, и оскорбил... В таком случае простите, виноват! Мамочка, прости первую скрипку! Я вовсе не хотел обидеть.

– Это даже цинизм... – проговорил Брыкович, смягчившись от умильного тона Халявкина. – Есть вещи, о которых не говорят в такой форме...

– Ну, ну... не буду! Мамаша, не буду! Руку!

– Тем более, что я не подавал повода... – продолжал Брыкович обиженным тоном, окончательно смягчившись, но руки не протянул. – Я не сделал вам ничего дурного.

– Действительно, не следовало бы по... поднимать этого щекотливого вопроса... Сболтнул спьяна и сдуру... Прости, мамочка! Действительно, скотина! Сейчас я намочу холодной водой голову и буду трезв.

– И без того мерзко, отвратительно живется, а тут вы еще с вашими оскорблениями! – говорил Брыкович, возбужденно шагая по номеру. – Никто не видит истины, и всякий думает и болтает, что хочет. Воображаю, что за глаза говорится тут в номерах! Воображаю! Правда, я не прав, я виноват: глупо

с моей стороны было набрасываться на вас в полночь из-за денег; виноват, но... надо же извинить, войти в положение, а... вы бросаете в лицо грязными намеками!

– Голубушка, да ведь пьян! Каюсь и чувствую. Честное слово, чувствую! Мамочка, и деньги отдам! Как только получу первого числа, так и отдам! Значит, мир и согласие!? Браво! Ах, душа моя, люблю образованных людей! Сам в консервато-серватории... не выговоришь, чёрт!.. учился...

Халявкин прослезился, поймал за рукав шагавшего Брыковича и поцеловал его в щеку.

– Эх, милый друг, пьян я, как курицын сын, а всё понимаю! Мамаша, прикажи коридорному подать первой скрипке самовар! У вас тут такой закон, что после одиннадцати часов и по коридору не гуляй, и самовара не проси; а после театра страсть как чаю хочется!

Брыкович подавил пуговку звонка.

– Тимофей, подай господину Халявкину самовар! – сказал он явившемуся коридорному.

– Нельзя-с! – пробасил Тимофей. – Барыня не велели после одиннадцати часов самовар подавать.

– Так я тебе приказываю! – крикнул Брыкович, бледнея.

– Что ж тут приказывать, коли не велено... – проворчал коридорный, выходя из номера. – Не велено, так и нельзя. Чего тут!..

Брыкович прикусил губу и отвернулся к окну.

– Положение-с! – вздохнул Халявкин. – М-да, нечего ска-

зять... Ну, да меня конфузиться нечего, я ведь понимаю... всю душу насквозь. Знаем мы эту психологию... Что ж, по-неволе будешь водку пить, коли чаю не дают! Выпьешь водочки, а?

Халявкин достал с окна водку, колбасу и расположился на диване, чтобы начать пить и закусывать. Брыкович печально глядел на пьянчугу и слушал его нескончаемую болтовню. Быть может, оттого, что при виде косматой головы, сороковушки и дешевой колбасы он вспомнил свое недавнее прошлое, когда он был также беден, но свободен, его лицо стало еще мрачнее, и захотелось выпить. Он подошел к столу, выпил рюмку и крикнул.

– Скверно живется! – сказал он и мотнул головой. – Мерзко! Вот вы меня сейчас оскорбили, коридорный оскорбил... и так без конца! А за что? Так, в сущности, ни за что...

После третьей Брыкович сел на диван и задумался, подперев руками голову, потом печально вздохнул и сказал:

– Ошибся! Ох, как ошибся! Продал я и молодость, и карьеру, и принципы, – вот и мстит мне теперь жизнь. Отчаянно мстит!

От водки и печальных мыслей он стал очень бледен и, казалось, даже похудел. Он несколько раз в отчаянии хватал себя за голову и говорил: «О, что за жизнь, если бы ты знал!»

– А признайся, скажи по совести, – спросил он, глядя пристально в лицо Халявкину, – скажи по совести, как вообще... относятся ко мне тут? Что говорят студенты, которые

живут в этих номерах? Небось, слышал ведь...

– Слышал...

– Что же?

– Ничего не говорят, а так... презирают.

Новые приятели больше уже ни о чем не говорили.

Они разошлись только на рассвете, когда в коридоре стали топить печи.

– А ты ей ничего... не плати... – бормотал Брыкович, уходя. – Не плати ей ни копейки!.. Пусть...

Халявкин свалился на диван и, положив голову на футляр со скрипкой, громко захрапел.

В следующую полночь они опять сошлись...

Брыкович, вкусивший сладость дружеских возлияний, не пропускает уже ни одной ночи, и если не застает Халявкина, то заходит в другой какой-нибудь номер, где жалуется на судьбу и пьет, пьет и опять жалуется – и так каждую ночь.